

А. В. Шершуков¹

УРОКИ НОВОЧЕРКАССКОЙ ТРАГЕДИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Для людей, занимающихся исследованиями в области экономики, политики, социальной сферы, Лихачевские чтения в 2022 году — это возможность в контексте исторических событий поговорить о сегодняшних проблемах. Так получилось, что на июнь в этом году приходятся и памятные исторические даты. Многие «узлы» в политике и экономике по-прежнему существуют, они все еще не развязаны и затягиваются все сильнее.

В этом году Лихачевские чтения проходят через несколько дней после памятной даты рабочего движения России. 60 лет назад, 1–2 июня 1962 года, волнения на электровозостроительном заводе в городе Новочеркасске завершились расстрелом демонстрации. Но это была развязка, точнее — часть развязки политической, экономической и социальной драмы. А причиной конфликта стали откровенные просчеты в планировании производства, системе тарифов и политике цен в Советском Союзе в последние годы эпохи Хрущева. Если, с одной стороны, снизить тарифные ставки оплаты труда работников, а с другой — повысить цены на мясо, то эти ошибочные решения в комплексе становятся основой конфликта. Если же в тлеющий конфликт плеснуть бензина, как сделал директор завода, заявивший «нет денег на мясо — ешьте пирожки с ливером», то вспыхивает протест в виде, по сути, «русского бунта», описанного еще Пушкиным. А если вместо переговоров власть прибегает к «услугам» армии, то все завершается трагедией, о которой помнят и через 60 лет. 22 убитых на площади, около 70 раненых. И более ста человек, в отношении которых были заведены уголовные дела.

Какие исторические уроки следует помнить в связи с Новочеркасском? Решения в экономической сфере надо всегда рассматривать не только с точки зрения производства и финансов. Социальные результаты, последствия для работников и — шире — всего населения нельзя отодвигать на второй план. Это не «сопутствующие» соображения, а первостепенные критерии

оценки якобы непредвзятых технократических решений. Другой урок — пагубные последствия пренебрежения к такому инструменту, как обратная связь. Наличие эффективной обратной связи помогает предотвратить негативные последствия тех или иных мер либо вовсе нивелировать их. Когда формализм в управлении или боязнь огорчить начальство становятся определяющими факторами принятия решений, то риск ошибки становится максимальным. Но и на этом этапе худшее еще можно предотвратить. Третий урок Новочеркасска заключается в том, что неготовность к содержательному диалогу приводит к кровавой трагедии. Приехавшие в 1962 году в Новочеркасск представители советского руководства вместо разговора с представителями протестующих предпочли вызвать войска...

Значит ли сказанное, что мы можем рассматривать события 60-летней давности лишь как исторические и не имеющие отношения к сегодняшнему дню? Не вполне.

Драма в Новочеркасске показывает, что даже в том государстве, которое позиционирует себя как «страна рабочих и крестьян», трудовые отношения могут содержать зародыш острого конфликта, для разрешения которого, как в данном случае, используются не переговоры или другие мирные средства, а стрельба.

Следует поставить жесткий вопрос. Можем ли мы сегодня, в современной России, утверждать, что новочеркасские события не повторятся ни при каких условиях? Представляется, что гарантии этого лежат не в сфере усиления административного или полицейского контроля. В том же СССР, который сегодня многие воспринимают исключительно как средоточие положительных качеств, были и существенные ограничения свободы слова, и политическая полиция, и смертная казнь. Но это не предотвратило выступления работников. В результате, помимо тех, кто стал жертвами стрельбы непосредственно на заводе, впоследствии к высшей мере наказания были приговорены несколько участников выступления в Новочеркасске. Семь человек были расстреляны, 103 — приговорены к лишению свободы на сроки от 2 до 15 лет.

Сегодня в ситуации радикального реформирования экономических отношений и внутри России, и особенно с внешним миром, много говорится о необходимости выстраивания новых цепочек поставок,

¹ Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор Центральной профсоюзной газеты «Солидарность». Председатель Всероссийской политической партии «Союз Трудя» (2012–2020). Автор книг: «Россия: профсоюзы и рабочие организации» (1991, 1993), «КРО и Александр Лебедь» (1996), «Профсоюзная идеология» (2012), «Краткая история профсоюзов России» (2020).

быстрой переориентации с Запада на Восток, внедрения технологий, которые являются ключевыми для производства современной техники. Правительство инвестирует огромные средства в импортозамещение. По сути, речь идет о «новой индустриализации». Но эти технологические и финансовые вопросы неотделимы от социальных. Когда в 1930-е годы в СССР проводилась индустриализация и миллионы жителей деревень переселялись в города, этот процесс сопровождался огромными вложениями государства в социальную сферу. Требовалось не только предоставить переселяющимся жилье, продовольствие, медицинскую помощь, но и обеспечить для них рост материальных доходов, повышение культурного уровня. Проблема сегодняшнего реформирования экономики заключается в том, что «новая индустриализация» будет (если будет) проводиться в ситуации неопределенности, даже некоторой турбулентности доходов работников. Среднесрочные прогнозы, которые дают некоторые экспертные сообщества, в том числе имеющие отношение к государству, говорят о возможном падении располагаемых доходов работников. В то же время открытие новых предприятий, создание новых рабочих мест предполагает и увеличение фондов оплаты труда. Таким образом, можно констатировать, что сегодня сложилась необычная ситуация и даже прогнозы нужно учитывать с поправкой на патристическую или космополитическую ориентацию эксперта, что, конечно, не имеет отношения к научным оценкам. Тем не менее уже сейчас очевидна необходимость серьезного предварительного анализа не только предложенных экономических мер, но и их социальных последствий и прелиминарной экологической проверки. Декларацию Генсека ЦК КПСС Юрия Андропова, заявившего в свое время «мы не знаем общества, в котором живем», сегодня можно интерпретировать как «знание общества, которое вовлекается в процесс экономических изменений, должно воплощаться в конкретные меры по социальному развитию этого общества».

Эти меры не могут ограничиваться поддержкой малоимущих. К сожалению, социальная политика государства в последние годы, включая период пандемии, делала акцент именно на помощи малоимущим, большая часть которых — семьи с детьми. За последние двадцать лет в России немного сократилась доля такой удивительной категории населения, как «работающие бедные», в которую входили огромные массы работающего населения. Но в конце 2021 года 50 % работающих получали зарплату ниже 38 тыс. рублей в месяц, хотя даже зарабатывающих такие суммы нельзя отнести к среднему классу. При этом в отношении наиболее обеспеченных слоев общества лишь недавно и очень ограниченно начали вводиться элементы прогрессивного налогообложения доходов физических лиц. И если долгие годы нас пугали тем, что из-за прогрессивного налогообложения капитал «убежит» за рубеж, то сегодня этот аргумент не работает. Бежать, слава богу, некуда. Вопросы социальной справедливости (уровня и соотношения доходов, налогообложения, прав работников и профсоюзов) сегодня, в период эко-

номических преобразований, равны по значимости вопросам технологического переустройства.

Не менее важна и проблема обратной связи. На сегодня реакция власти на возможную негативную реакцию населения, работников инструментально реализована на основе центров управления регионами. Однако эти структуры являются для органов власти внутриуправленческими, в известной степени контролирующими сами себя. Ответ на старый казуистический вопрос: «Кто стрижет парикмахера?» по сути дается в форме, решающей проблему отчетности, но не вполне эффективной для содержательного решения проблемы. Представляется, что больший эффект в части построения обратной связи на принимаемые решения может быть получен в результате построения институциональной опоры, базирующейся на организованных представителях работников — профсоюзах. Построенная в России система социального партнерства, основанная на системе трехсторонних консультаций, регулярных переговоров и трехсторонних комиссиях федерального и регионального уровня, организационно может стать основой для такой обратной связи. Но для этого власть должна ответить на вопрос: нуждается ли она в содержательном и позитивном мониторинге своих решений или только формальном одобрении своих действий? Именно второй вариант ответа привел к трагедии в Новочеркасске 60 лет назад. Его неэффективность как для работников, так и для государства сегодня вполне очевидна.

К сожалению, строительство институциональной основы для системы социального партнерства в последний год сталкивается с определенным противодействием. Зачастую государственные органы выступают с инициативой о ликвидации профсоюзной структуры (как, например, профсоюза адвокатов) или последовательно, от регионального до федерального уровня, выдвигают претензии к национальному профцентру, преследуя конкретную цель — изъятие профсоюзной собственности. Хотя такие претензии неправомерны, так как в свое время правительством страны были подписаны все необходимые документы и к тому же действуют законодательные нормы, которые сегодня подвергаются произвольной трактовке. Социальная политика в стране и политика государства по отношению к структурам, которые влияют на социально-трудовые отношения, естественно, должны характеризоваться едиными подходами. Сюжеты в духе Салтыкова-Щедрина «мы дадим вам медаль за работу и сразу же за эту работу арестуем» не могут считаться нормальными в социально ориентированном государстве.

Но даже внедрение механизмов предварительной экспертизы и последующего контроля не является абсолютной гарантией сохранения социального мира и развития. В сложных системах, к которым относится современная экономическая и социальная система России, конфликты неизбежны. Но, как говорил капитан Глеб Жеглов из фильма «Место встречи изменить нельзя», «правопорядок в стране определяется не наличием воров, а умением властей их обезвреживать». Другое дело, что такая постановка вопроса предьявляет иной уровень требований к качеству работы правоохранительных органов, в том числе окончательный разрыв

с практикой 1990-х годов, когда следователи и прокуроры зачастую выступали как инструмент в имущественных «разборках» и перераспределении собственности. Сейчас такой разрыв, как представляется, еще не произошел.

В случаях же возникновения социальных или трудовых конфликтов всегда встает вопрос их скорейшего купирования и разрешения. Конечно, большую роль в этом деле играют методы медиации, которые, к слову сказать, профессионально изучаются и внедряются факультетом конфликтологии СПбГУП. Но и здесь нельзя недооценивать роль постоянного содержательного диалога, который во время уже начавшегося конфликта обязаны продолжать стороны социального партнерства. Ответственность сторон в этом случае заключается в том, чтобы, не скатываясь к взаимным обвинениям, оперативно найти способ «расшивки» конфликта.

Новочеркасск — это не только история. Сегодня социологические опросы показывают низкий протестный потенциал российского населения, в том числе наемных работников. Но было бы большой ошибкой считать, что относительно спокойная ситуация не может измениться. «Предохранителем» от социальных взрывов может быть не самоуспокоенность или надежда на взаимную ответственность власти, бизнеса и работников, а только постоянный содержательный, неформальный социальный диалог, основанный на эффективно работающих институтах социального партнерства. И это не «клапан для спуска пара» (достаточно унижительный образ для всех сторон переговоров). Речь идет о предотвращении проблем и реального, неимитационного их разрешении. В этом и заключается главный урок Новочеркаска для современной России.